

Наивная и научная картина мира в категориальном аппарате правовой лингвистики

Лавицкий А.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск;
Витебский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет "МИТСО"», Витебск

В число задач правовой лингвистики входит решение проблем сближения юридических норм с запросами общества.

Цель проведенного исследования – сопоставительное изучение наивной и научной картины мира в юрислингвистическом аспекте.

Материал и методы. *Материал исследования – лингвистические теоретические концепции феномена картины мира, результаты экспериментального анкетирования. Основа методологии: обобщение, систематизация и сравнительно-сопоставительный анализ, специальные методы изучения речевого материала (логико-семантический, жанрово-стилистический анализ и др.).*

Результаты и их обсуждение. *В юридической лингвистике собственное видение картины мира как категории понятийного аппарата пока не получило должного теоретического осмысления, хотя уже выработано определенное мнение.*

Результатах экспериментального анкетирования показывают, что при выборе высказываний, которые, по мнению респондентов, соответствуют юридической квалификации клеветы, то есть распространения заведомо ложной информации, параметр фактологичности не воспринимается в массовом сознании как обязательный.

Заключение. *Результаты экспериментального опроса свидетельствуют о наличии серьезных расхождений в наивной картине мира и научной интерпретации отдельных правонарушений. В частности, при вербализации клеветы 78,4% опрошенных не обращают внимания на маркеры субъективизации содержания речевого высказывания.*

Ключевые слова: *картина мира, наивная (обыденная) картина мира, научная картина мира, клевета, юрислингвистика, судебная лингвистическая экспертиза.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 164–169)

Naive and Scientific Picture of the World in the Category Apparatus of Legal Linguistics

Lavitski A.A.

Education Establishment "Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University", Minsk;
Vitebsk branch of the Educational Establishment of the Federation of Trade Unions
of Belarus "International University MITSO", Vitebsk

Solution of the issues of bringing legal norms in conformity with the requirements of the society is among the problems of legal linguistics.

The research purpose is a comparative study of naïve and scientific picture of the world in the aspect of legal linguistics.

Material and methods. *The main research material was linguistic theoretical concepts of the phenomenon of the picture of the world as well as findings of the experimental questionnaire. The basis of the research methodology was generalization, systematization and the comparative analysis, special methods of speech material studies (the logical and semantic, the genre and stylistic analysis etc.).*

Findings and their discussion. *In juridical linguistics, its own vision of the picture of the world as a notion apparatus category has not yet been properly considered while a certain body of opinion has been elaborated.*

The experimental questionnaire findings indicate that in choosing statements which, according to the respondents, correspond to the legal qualification of slander; i.e. dissemination of deliberately false information, the parameter of factfulness is not perceived as an obligatory one in mass consciousness.

Conclusion. *The experimental questionnaire findings testify to the fact that there are serious discrepancies between the naïve picture of the world and scientific interpretations of some offences. Namely, 78,4% of the questioned disregard speech utterance subjectivity markers while verbalizing slander.*

Key words: *picture of the world, naïve (everyday) picture of the world, scientific picture of the world, slander, juridical linguistics, forensic linguistics*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 164–169)

Пришедший на смену понятию мировоззрения и введенный в научный обиход в начале XX века термин «картина мира» (КМ) активно культивируется в философии, социологии, психологии и др. Наибольшее распространение, а равно и теоретическое осмысление, КМ получила в парадигме науки о языке, однако о единстве исследовательских позиций в сущностном понимании этого феномена, как и о его видовых вариантах, говорить пока не приходится.

Актуальность обозначенной проблематики нашла отражение в научных изысканиях различных направлений современной лингвистики. Не является исключением и правовая (юридическая) лингвистика, в русле решения исследовательских задач которой подготовлена настоящая статья. Дело в том, что если 35 лет назад Н.Д. Арутюнова говорила только о потенциальных преступных возможностях языка, то сегодня в правоприменительной практике как никогда проявляется деструктивно-конфликтотенный функционал речевой деятельности. Иными словами, положение о том, что язык – это еще и инструмент совершения противоправного деяния, стало аксиомой и для юридического дискурса, и для самой лингвистической науки.

Судебная практика при изучении обстоятельств правонарушений, совершаемых вербальным способом, показывает, что зачастую их субъекты интерпретируют нормы правовой регламентации коммуникативного взаимодействия отлично от органов следствия и дознания. Фактически речь идет о диссонансе содержательного наполнения наивной и научной картины мира. В первой закреплены неписанные правила коммуникации, которые приемлемы для личности в публичном пространстве и являют собой практическое руководство к осуществлению речевой активности. Вторая рассматривает коммуникацию как объект научного внимания (в данном случае – правовой лингвистики и лингвистической экспертологии как ее подотрасли).

Очевидно, что сам факт расхождения содержания наивной и научной КМ не является парадоксальным. Это одна из фундаментальных аппозиций не только в лингвистике, но и во всей парадигме гуманитарного знания. Однако в лингвоправовом аспекте поднимаемая проблема имеет особое значение. Во-первых, правовая система общественных отношений должна отвечать требованиям самого

общества. Любой нормативный акт – это социальный заказ, основанный на потребностях и представлениях общества. Иными словами, несоответствие научной юридической КМ с представлениями обывательской КМ означает, что она в определенной мере не отвечает социальным потребностям. Хотя здесь следует сразу оговориться, что полного совпадения наивной и научной КМ не может быть, ибо обе находятся в постоянной динамике, не всегда обусловленной идентичными факторами. Во-вторых, язык закона должен быть понятен каждому и, как писал Ш. Монтескье, «пробуждать у всех людей одни и те же идеи». То есть в данном случае речь идет о том, что наивная КМ, обогащаясь знаниями и социальным опытом из представлений научной КМ, должна адекватно воспринимать ее содержание, зафиксированное при помощи языковых средств. Такое понимание проблемного поля легло в основу настоящего исследования, *цель которого состоит в сопоставительном изучении наивной и научной КМ в юрислингвистическом аспекте.*

Материал и методы. Для достижения заявленной цели в статье представлен краткий обзор основных лингвистических концепций феномена КМ. В качестве материала исследования использована диспозиция статьи (ст. 188) уголовного кодекса Республики Беларусь, а также результаты экспериментального опроса. Методологическую основу научной работы составили общенаучные методы анализа и систематизации, сравнительно-сопоставительного анализа, моделирования. Проведенная экспериментальная работа включала специальные методы изучения речевого материала на предмет наличия в его содержании признаков противоправного деяния (логико-семантический, лексикографический, жанрового-стилистический анализ и др.).

Результаты и их обсуждение. «Прародителем» категории КМ принято считать понятие «мировидение» (нем. *“weltanschauung”*), о котором в своих философских трудах писали еще Г. Гегель, И. Кант, Ф. Шеллинг и др. Конечно, оба термина не являются полностью синонимичными, хотя К. Ясперс указывает, что мировидение – это некая система, дающая общее представление о мире: «<...> в субъективном смысле – переживание, энергию, образ мыслей, <...> в объективном – предметно-оформленный мир» [1, с. 207]. Сравним с аксиоматическими для современной лингвистики положениями, сформулированными

В.А. Масловой: «Понятие КМ строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то КМ – результат переработки информации о среде и человеке» [2, с. 64]. При схожести подходов нельзя, однако, не отметить, что КМ формально более антропоцентрична: окружающая действительность выстраивается вокруг человека. В философской же интерпретации мировидения – человек фрагмент бытия, взаимодействующий и взаимосвязанный с другими ее компонентами.

В категориальный аппарат лингвистики КМ ввел М. Хайдеггер, впервые упомянув понятие в лекции «Основание новоевропейской картины мира метафизикой» (1938) и подробно описав его в авторском сборнике «Holzwege» (1950). По М. Хайдеггеру, КМ «сущностно являет собой не картину, изображающую мир, а мир, представленный в виде такой картины». Таким образом, «картина» в данном случае имеет метафорическое значение и более удобный компонент терминологической единицы, нежели слова «образ», «изображение», «модель», «отражение» и т.д.

Актуализация КМ в лингвистике пришла на вторую половину 80-х гг. XX столетия, когда понятие получило повсеместное распространение и рассматривалось в вариативных аспектах и с позиции различных исследовательских направлений. Начиная с указанного периода, весомый вклад в новое и не менее глубокое осмысление КМ внесли в том числе и отечественные (советские), и российские ученые-лингвисты (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Т.Е. Владимирова, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская, Е.Ф. Тарасов, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцева, А.Д. Шмелёв и др.).

Для современной лингвистики концептуальными являются несколько векторов исследования КМ, которые отличаются видением проблемного поля, а также методологией его исследования.

Когнитивно-семантический подход к КМ актуализирован в философии языка, семасиологии и когнитивной лингвистике. В русле указанных направлений лингвистики феномен КМ описан в трудах зарубежных (Н. Гартман, Т.А. ван Дейк, Г. Ипсен, Э. Сепир, Й Трир) и отечественных, в том числе советских и российских (А.П. Бабушкин, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова и др.) исследователей. Фундаментальное значение для когнитивно-семантической концепции имеют два вопроса: 1) процессы концептуализации окружающей действительности в сознании (по Е.С. Кубряковой и В.З. Демьянкову, создание «моделей деятельности сознания») и 2) изучение языка как инструментария, позволяющего функционировать КМ («формировать и выражать мысли, хранить и организовывать знания в человеческом сознании» [3, с. 58]).

Обращаясь к проблеме концептуализации КМ, ученые отмечают, что она, хотя и отражает окружающий предметный мир и обстоятельства, его форми-

рующие, по своей сути – это только представления, образы сознания, не имеющие материальной плоти (по Т.А. ван Дейку, это «некие конструкции» и «модели ситуаций»). КМ субъективизирована человеком и включает его социальные связи и взаимоотношения, сферу чувств и эмоций. Таким образом, КМ являет собой самодостаточный живой феномен, который существует и развивается в себе и для себя.

В современных исследованиях представители рассматриваемого научного течения признаются, что описание механизмов, реализующих когнитивное существование КМ, должно строиться на оценке ее смыслового наполнения. Неслучайно С.М. Толстая пишет о единстве семасиологического и ономасиологического подходов в изучении КМ. Исследовательский алгоритм в данном случае строится на реконструкции «образа мира, в слове явленного», а впоследствии выявления на основе анализа лексических значений подробных механизмов восприятия, осознания и концептуализации мира [4, с. 118–119].

Смысловое наполнение КМ реализуется через языковое посредничество. По Э. Сепиру, язык – инструмент познания, который влияет на образ мыслей и восприятие его носителями [5, с. 259]. Однако нельзя не обратить внимание и на прозорливое замечание профессора В.А. Масловой, справедливо подчеркивающей, что язык реализует КМ как вторичное существование мира [6, с. 70]. Во-первых, язык не материализует КМ, а только описывает и характеризует ее. Во-вторых, несмотря на то, что язык «оказался наиболее мощной в семиотическом плане из всех систем коммуникации» [6, с. 7], по своей природе он плохо приспособлен для хранения и передачи информации. Для человека язык – это самое удобное средство кодирования и ретрансляции концептуальных представлений (У. Чейф вообще ограничивает этим фактом его функции в теории КМ). Но, очевидно, язык не самодостаточен для реализации когнитивных механизмов сознания личности. Например, восприятие текста в процессе когнитивной обработки его содержания индивидуально, а способности адресата уловить все оценочные значения, скрытые смыслы и т.д., заложенные автором, ограничены уровнем психоэмоционального развития личности, ее ментальными особенностями, ситуацией и условиями общения, навыками участия в процессе коммуникации и др. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что КМ – «феномен более сложный, чем та часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы» [7, с. 142].

Основы *лингвокультурологической концепции* понимания КМ заложены в трудах В. фон Гумбольдта и успешно развиты научными школами Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, В.А. Масловой, М.Вл. Пименовой. Основные идеи рассматриваемой концепции также поддерживаются в лингвоаксиологических работах, в подходах этнолингвистов и переводоведов.

Лингвокультурологический подход акцентирует внимание на вербализации кодов культуры как ядерных элементов КМ. Код культуры реализуется в концептах, которые аккумулируются в языке, образуя концептосферу. Закономерным следствием придания в теории КМ фундаментального значения языку является тот факт, что в лингвокультурологической концепции чаще всего используется понятие языковой КМ. Не вступая в дальнейшую дискуссию о дифференциации КМ и языковой КМ, приведем еще одну «классическую цитату» В.А. Масловой: «Каждый язык по-своему членит мир <...>. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной» [2, с. 64]. Язык не только фиксирует КМ в определенных лингвистических единицах, но и является самостоятельным субъектом формирования концептуальных представлений, выражающим и эксплицирующим КМ человека, привнося в него черты культуры [8, с. 31].

Концепция психолингвистического подхода к пониманию КМ основывается на исследовании процессов отражения окружающего бытия в сознании человека. Сознание – это совокупность знаний о мире. Но это не только «информационное хранилище», но и свойственная человеку способность «идеального воспроизведения действительности в мышлении, психическая деятельность как отражение действительности» [9, с. 752]. Характеристику идеальности инструментальных возможностей сознания можно отнести к дискуссионным. Однако, в отличие от несознательного, этот механизм восприятия и осознания окружающего мира является более изученным и рациональным с точки зрения формальной, в том числе и обыденной, логики.

Структурными элементами сознания и картины мира являются смысловые поля. В сознании смысловые поля не упорядочены, они хаотичны, тогда как в КМ «действуют правила последовательности, <...>, системности, монизма, которые привносятся прагматическим принципом восприятия и понимания языковой личностью мира и языка» [10, с. 128]. При этом язык рассматривается как вторичный элемент КМ. Е.Ф. Тарасов указывает на то, что она может формироваться сознанием и во внеязыковой оболочке. Вербализованное сознание – это языковое сознание, то есть «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [11, с. 6]. Однако сам же Е.Ф. Тарасов подчеркивает, что знаковая фиксация представлений о КМ является обязательным условием ее существования.

В предложенных концепциях отмечается, что КМ может иметь различные ипостаси. Хотя это упоминается еще в поздних неогумбольдтианских научных трудах, где декларируется наличие мифологической,

религиозной и художественной КМ. Парадоксально, но являясь по своей сути образом окружающей действительности и бытия, реализованных единичными концептуальными представлениями, варианты КМ, их фрагменты противопоставляются, то есть вступают в оппозицию по отношению друг к другу (например, религиозная и мифологическая КМ). Однако фундаментальным представляется сравнение наивной и научной КМ. Их описания обнаруживаются еще в трудах Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Л. Уорфа. Последний, кстати, даже предпринимал попытки их отождествления, а в более поздних работах вообще пытался поставить науку в полное подчинение языку, то есть показать научную картину мира как обособленный компонент обыденных концептуальных представлений. Позиция Л. Вайсгербера более сдержанна: по его разумению, наука подчиняется языку только в том случае, если она отстает от представлений наивной картины мира или, иными словами, не готова описать какое-либо явление или факт и материально подтвердить это.

Возведение наивной и научной КМ до статуса антонимического противостояния видится достаточно противоречивым. Дело в том, что формально это не релевантные понятия: они отличаются объемом, качественными характеристиками, но самое главное, что научные знания и представления формируют фрагменты наивной КМ и влияют на нее. Представления же наивной КМ становятся объектом научного изучения и включаются в ее содержание как соответствующие (доказанные) или неверные (недоказанные) представления. Поэтому более предпочтительной видится философская идея об относительном единстве наивной и научной КМ, обозначенная М.М. Бахтиным. Он писал, что КМ имеет две ипостаси: в первой «все явления строго разграничены и занимают неизменные места (положения) в иерархии. Эта картина мира глубоко субстанциональна. <...> Здесь все равно себе самому. Здесь нет дублирования и второго плана», вторая представляет собой «переживаемый единственным образом действительный мир» [12, с. 378]. Фактически в мыслях М.М. Бахтина просматривается попытка разграничить научную и наивную картины мира. Но это не простая оппозиция рационального и иррационального, а сложное диалектическое взаимодействие. Научная парадигма – исключительно рациональна в иерархичности своей системы. Наивная картина мира имеет не только иррациональный компонент – приживаемость, но и рациональное содержание – «действительный мир». Таким образом, краткий вывод об оппозиции наивной и научной КМ можно свести к положениям о том, что а) обе картины моделируют мир, б) научная картина мира – продукт деятельности ученых, обыденная формируется и функционирует в сознании языковой личности.

Для современной юрислингвистики наиболее близким следует признать психолингвистическую концепцию понимания КМ. Хотя во многом молодое

научное направление, сформировавшееся на стыке диалектического интереса языкознания и юриспруденции, при изучении феномена КМ опирается на законы формальной логики: наивная КМ не имеет четких границ и зафиксирована в коллективном сознании; научная КМ – формально ограничена рациональными пределами освоенного человеком вещественного мира и зафиксирована в ограниченном количестве текстов, относящихся к сфере соответствующего типа дискурса. Кроме того, обыденные представления субъективны по своей природе и индивидуальны для каждой личности. Научная КМ относится к сфере рационального, то есть объективного, и распространяется на всю человеческую общность.

Применительно к области лингвистической экспертологии различия между наивной и научной КМ обнаруживаются в интерпретации содержания конфликтогенного текста, имеющего признаки совершения противоправного деяния. Сама судебная экспертиза формирует представления, эксплицирующиеся в научной КМ. Наивными же являются представления языковой личности о соответствии содержания спорного текста правилам и юридическим нормам коммуникации.

Наглядный пример расхождения концептуальных представлений наивной и научной КМ демонстрируют результаты проведенного нами экспериментального опроса, в котором приняли участие 439 респондентов, представляющих 4 области Беларуси и ее столицу (выборка проводилась по половозрастному составу и локальным признакам, исходя из статистических данных о населении страны, опубликованных Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь). На основании научных представлений о способах вербализации клеветы была составлена анкета, в которой опрашиваемые должны были отметить одно или несколько высказываний, которые, по их мнению, юридически являются соответствующим видом противоправного деяния.

Особенности экспликация клеветы в обыденном восприятии оценивались после решения следующего задания:

Журналист опубликовал в Интернет-издании статью, содержащую фразу:

1. *Агапкин уже, наверное, около десяти лет ворует казенные деньги.*

2. *Агапкин мошеннически перекладывает бюджетные деньги себе в карман. (Соответствует всем параметрам клеветнического высказывания).*

3. *Городской бюджет разворовывается каждый год все больше и больше.*

4. *Агапкин набивает себе карман миллионной прибылью.*

Результаты обработки анкетных данных демонстрируют очевидное расхождение в восприятии клеветы как категории наивной КМ и ее лингвоправового статуса. Большая часть опрошенных не воспринимает

параметр фактологичности как обязательный для правовой идентификации распространения информации порочащего характера: высказывание *Агапкин уже, наверное, около десяти лет ворует казенные деньги*, включающее маркер субъективизации распространяемых сведений (*наверное*), 344 респондента (78,4%) отнесли к потенциально клеветническим. 99,5% опрошенных выбрали верный вариант, из них только 54 человека отметили его как единственно верное высказывание.

Заключение. КМ относится к фундаментальным феноменам современного гуманитарного знания, которая рассматривается в различных аспектах и даже понимается вариативно, исходя из комплекса исследовательских задач и подходов внутринаучных течений. Для парадигмы лингвистических направлений КМ также является значимой категорией, которая изучается чаще всего во взаимодействии с понятиями языка, мышления и сознания. В настоящее время наибольшее распространение получили три концепции осмысления КМ: когнитивно-семантическая, лингвокультурологическая и психолингвистическая. Первая опирается на опыт философских школ и занимается исследованиями процессуальной стороны концептуализации представлений об окружающей действительности, эксплицирующихся в КМ, в том числе в вербальной форме. Лингвокультурологический подход получил широкое распространение в первую очередь благодаря работам по изучению национально-культурной специфики КМ. Для психолингвистической концепции ключевое значение имеют проблемы сознания как центра формирования и ретрансляции КМ.

В современной правовой лингвистике не сформировалось своей собственной теории КМ, что обусловлено нахождением данного проблемного поля на ближней периферии интересов исследовательского направления. Хотя, скорее всего, оформление юрислингвистического видения КМ – это дело времени, учитывая тот факт, что сейчас интенсифицируются процессы, направленные на нормализацию системы правоотношений в соответствии с актуальными запросами общества. В первую очередь речь идет о юридическом языке, тенденции развития которого в ближайшие годы будут связаны с упрощением его норм, изменениями в терминологическом тезаурусе.

Уже сейчас в теории правовой лингвистики имеются собственные замечания, касающиеся сущностного понимания КМ: например, доминирование логических методов в дифференциации наивной и научной КМ. В аспекте оценки содержания конфликтогенного текста на предмет наличия в его содержании признаков противоправного деяния первая обнаруживается в коллективном сознании, а вторая устанавливается в процессе специального судебного лингвистического исследования. Это положение подтверждается в экспериментальной работе, результаты которой свидетельствуют, что, например, в массовом сознании параметр фактологичности не является

квалификационным показателем идентификации речевого акта, имеющего признаки распространения заведомо ложной информации.

Публикация подготовлена в рамках гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований Г22–074 «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста».

Литература

1. Jaspers, K. Philosophie I. Philosophische Weltorientierung / K. Jaspers. – München; Zürich: Piper 1994. – 340 S.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. Ассоциация лингвистов-когнитологов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
4. Толстая, С.М. Мотивационные семантические модели картины мира / С.М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1(3). – С. 112–127.
5. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс; Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.
6. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 8-е изд., стереотип. – Москва: Флинта: Наука, 2017. – 293 с.
7. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.
8. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
9. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Совет энцикл.; СПб.: Фонд «Ленингр. галерея», 1993. – 1628 с.
10. Собитова, З.К. Лингвокультурология: учебник / З.К. Собитова. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 528 с.
11. Тарасов, Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 24–32.
12. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин. – М.: Русские словари, 1997. – Т. 5. – Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – 731 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023